

ПОЛМИГА ПАВЛА ШУБИНА

Захар Прилепин

В его случае так можно сказать безо всяких натяжек: Шубин — поэт сталинской эпохи. Её порождение и её отражение.

Когда случилась революция, ему было три года, когда умер Ленин — 9 лет, а оттепели Шубин не застал.

Как настоящий поэт Шубин начался в 1933 году, и в тот же год Европа всерьёз захворала фашизмом. Дар его достиг пика в годы Великой Отечественной.

Поэтический его, в два неполных десятилетия, путь — это осмысление событий Гражданской, предчувствия новых сражений, сама война и, наконец, — память о войне.

Тема войны, конечно же, — не единственная.

Была тема детства и тема малой родины. Любовная тема. Тема странничества и великого строительства. И, вмещающая всё перечисленное, тема абсолютной любви к Отечеству.

Однако война в самом конкретном смысле неизменно становилась поперёк всякой темы, любой мелодии.

Это поколение, входя в жизнь, знало о грядущей войне наверняка, готовилось к ней и — во многом благодаря этому — преодолело напасть.

Всё равно нас не укараулить —
От волны, от пропасти, от пули...

(«Век», 7 июня 1936)

Более того, в кровавое и крошечное будущее то поколение вглядывалось жадно, как бы призывая грозу на себя. За что и расплатилось сполна. И тем не менее:

Я хочу себе такую долю,
Чтобы до последних дней боец,
В час, когда меня, как колос в поле,
Встречный ветер срежет под конец, —
Вспомнить горы в голубом покое,
Холод неизведанных высот,
Тропы, мной исхоженные, коих
Никогда никто не перечтёт.

*(«Жадность»,
Николаю Островскому, 1937)*

Хочешь себе такой доли — получишь.

Сформировавшийся целиком в советской, сталинской эпохе, Шубин был по-настоящему свободным творцом. До самых последних лет — никакого ощущения скованности, приверженности унижительным догмам, сдавленности голоса.

Напротив: наглядно независимый. Умеющий улыбаться; даже дерзить. Умеющий влюбляться и отстаивать любовь.

В стихах своих он был равен себе — человеку.

Каким запомнили Шубина?

Красивый: такой русской, простонародной, чуть хулиганистой красотой — хотя на иных фотографиях красота эта кажется почти декадентской.

Крепкий, широкоплечий. Мемуаристы настойчиво отмечают его явное, зримое, настойчивое телесное здоровье и буквально «косую сажень в плечах», которую сохранившиеся шубинские фотографии, увы, в полной мере не передают.

Походка, как подметит один его фронтовой товарищ, «с кавалерийской раскачкой».

И «лермонтовские» (многократно отмеченные мемуаристами) глаза — с печальной поволокой.

Надо сказать, что и по лермонтовским портретам часто создаётся ложное ощущение почти subtilности его фигуры. В то время как современники вспоминали, что Лермонтов был очень крепок и плечист: даже не вполне естественно для своего маленького роста.

Шубин был повыше Лермонтова, но это вот сочетание — лермонтовские глаза и наглядная, удивительная физическая сила — внешне этих двух поэтов роднит.

О внутреннем, поэтическом родстве мы скажем позже; пока же дорисуем портрет Шубина.

Смуглокожий. Сероглазый. Голос приятный, грудной.

Поэт Ярослав Смеляков в шутку (но и всерьёз) характеризовал любимого товарища Павла так: «Роковой красавец, брюнет».

Снимайся Шубин в кино — он был бы всенародной звездой. Располагающий к себе. Разговорчивый, весёлый, выпивоха. Долгие годы никогда не болевший даже сезонными простудами.

Несуетный, умевший себя держать.

«Нежный и снисходительный ко всему, что не касалось поэзии», — так о нём говорила последняя любимая женщина, жена Галя.

В поэзии при иных обстоятельствах он мог бы претендовать на звание первого поэта страны: на незримую, будто самим мирозданием утверждаемую должность Блока, Есенина, Маяковского, Твардовского... А почему так не случилось, мы, быть может, поймём, дойдя до финала.

Павел Николаевич Шубин родился 14 марта (по старому стилю — 27 февраля) 1914 года. В год столетия со дня рождения Лермонтова. Место рождения: Орловская губерния (сейчас — Липецкая область), Елецкий уезд, село Чернава (оно же — Чернавск).

О чём сказать? Как тёмное виденье,
На будущую Марну, на Стоход —

По всем полям прошёл мой год рожденья,
Тяжёлый год, четырнадцатый год.

(«Слово в защиту», 3 мая 1935)

Шубин имеет в виду два сражения Первой мировой: Марнское — между германскими войсками с одной стороны и войсками Великобритании и Франции с другой, состоявшееся в сентябре 1914 года, на реке Марне, и сражение на Стоходе — бои на подступах к Ковелю между Особой армией генерала Владимира Безобразова и австро-немецкими войсками в июле 1916-го, когда русские полки вброд под шквальным огнем противника форсировали болотистые рукава реки Стохода.

И по пятам — глухие дни, в них — слёзы,
Седая мать, холодный едкий дым,
Протезы брата, выбитая озимь,
Голодный страх над чугуном пустым.

И кто-то сгибший в пушечных колёсах,
Сто панихид в селе и бабий вой...
Глухие дни. Три года надо сбросить —
Их не было у детства моего.

(«Слово в защиту», 3 мая 1935)

Река Большая Чернава, на которой стоит родовое село Шубина, — левый приток реки Сосны. Река Сосна — правый приток Дона.

Я ходил речонкою Чернавкой —
Вся она в купавах и куге —
С жёрдочкой, проложенною навкось,
С тишью, красноватой, как багет.

(«Почему я думаю про это...», 11 августа 1934)

И хотя это верховья Дона — казачья тема для Шубина (не казака по происхождению) является одной из ключевых.

Сам он к роду казачьему не принадлежал, но на южных рубежах России встречаются такие, как у него, замечательно красивые мужские лица, словно бы с какой-то давней южной примесью в крови. Генеалогией, впрочем, уже неразличимые, потому что со всех сторон Шубин по роду был русский крестьянин — внук крестьян, правнук крестьян.

Если всё-таки копнуть на самую глубину, то обнаружится вот что.

Несмотря на то что село Чернава относилось к Елецкому уезду, старинный город Ливны, что в Орловской губернии, к Чернаве располагается ближе Ельца.

В перечне служилых ливенских людей 1682 года присутствует городской сын боярский Самойла Климов сын Шубин.

Ещё в XVI веке в Ливнах жили всего несколько сотен семей; и почти наверняка этот Шубин — непосредственный предок поэта.

Поясним, что дети боярские — особое сословие, существовавшее с XIV до XVIII века. Боярские дети несли сторожевую службу по охране русских границ; а в те времена шубинская малая родина была самой что ни на есть окраиной. Командиры засечной стражи и сторожевых разъездов набирались, как правило, из детей боярских. Однако надеяться на придворную карьеру они не могли. Сословие детей боярских сложилось как из числа в самом прямом смысле потомков бояр, так и из числа боярских слуг, а также казаков. Имелась ли у Шубина боярская кровь — вопрос, в сущности, неважный: с XVII века она поистратилась, омужичилась.

Однако более чем вероятно, что потомки того Шубина были воинами и участвовали в походах.

Отец Павла — Николай Григорьевич Шубин — о тех временах не помнил и не знал. Он трудился слесарем и токарем на местной чернавской писчебумажной фабрике.

Семья жила в маленьком домике на берегу реки.

Будущий поэт был младшим, одиннадцатым, ребёнком в семье. Четверо детей к 1914 году умерло, шесть оставалось, а Павел — седьмой. Имелись старший брат Андрей и сестры: Анастасия, Клавдия, Анна, Елена, Софья.

В соседских рассказах упоминается также, что отец был кузнецом, что не вполне точно: кузни у них не было, но, видимо, кузнечным ремеслом в какой-то степени Николай Григорьевич владел.

Кроме того, со ссылкой на стихи Шубина утверждается, что отец был ещё и художником-самоучкой: как минимум печь в их доме отец расписал витиеватыми узорами. Ну, возможно, хотя больше нигде и никак эти данные его биографии не зафиксированы.

Что известно доподлинно, так это страсть отца к чтению. Шубины имели в доме свою собственную (хоть и не слишком большую) библиотеку, что для крестьянства начала века являлось фактом исключительным.

Первая книга, согласно семейной легенде, которую отец прочитал Павлу, была «Жизнь животных» Альфреда Брема.

Отца селяне запомнили как человека достойного и... атеиста. В церковь не ходил и детей к тому не приучал.

Отцовский атеизм на заре XX века являлся скорее приметой ищущей души и критичного рассудка. В разлад с казённой церковью вошли тогда многие русские люди, чьими именами нация горда по сей день, — от Льва Толстого и Максима Горького до Александра Блока и Сергея Есенина: что ж тут про шубинского отца говорить.

Чернавские жители помнили: местный батюшка, у которого Николай Григорьевич арендовал дом и огород, часто спорил с ним — притом находя в Шубине желанного собеседника и явно уважая этого вольнодумца. Верил, не верил — а поговорить с ним было о чём, да и детей Шубины воспитывали достойных. Старшие дочери (Анастасия и Клавдия) отучились на учительниц и уже преподавали.

Атеизм шубинского отца вызывает удивление скорей в силу некоторых иных причин.

В том же селе Чернава, в семье местного настоятеля родился в 1815 году богослов, епископ Русской православной церкви, прославленный в лике святителей Феофан Затворник (в миру Георгий Васильевич Говоров) — один из самых почитаемых в России религиозных мыслителей. В 1872 году в Вышенской пустыни Тамбовской епархии он ушёл в затвор и пребывал в нём до своей смерти в 1894 году.

То есть чернавский батюшка унаследовал тот же приход, в котором служил когда-то отец самого Феофана Затворника. И будущий святой бегал когда-то по тем же улочкам и в той же речке купался, что и будущий советский поэт Павел Шубин.

Более того, в соседнем Ельце в 1800 году родился другой знаменитейший проповедник, епископ Православной церкви, архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (в миру Иван Алексеевич Борисов), позднее причисленный к лику местночтимых святых.

А в недалёких Ливнах в 1871 году родился ещё один крупнейший русский богослов, православный священник Сергей (Сергий) Николаевич Булгаков, к моменту рождения Павла Шубина уже известный, в том числе, например, благодаря такой работе, как «О религии Льва Толстого».

Тем не менее, как мы видим, «гений места» никак не сказался ни на старшем Шубине, ни на его сыне, советском поэте: сколько в его стихах ни ищи — никакой, даже мимолётной, связи с трудами Феофана Затворника, архиепископа Иннокентия и Сергея Булгакова там не обнаружишь. Напротив, от отца он унаследовал иное:

И проклял я курные клетки,
И темь, где в вековую грусть
Мои неграмотные предки
Псалтырь учили наизусть...

(«Так входим в жизнь», 19 августа 1934)

С другой стороны, и святых, и религиозных мыслителей, и поэтов единила сама русская земля. Шубинское отношение к земле вполне можно определить как религиозное:

Санная дорога до Чернавска.
Вьётся,
Вьётся снежная пыльца;
Свист саней от самого Ельца,
Ветер — у лица. И — даль. И пляска
Тонкого поддужного кольца...

(«Санная дорога до Чернавска...», 23 декабря 1941)

Те же картины на той же дороге видели в своё время и Феофан, и Иннокентий, и Сергей.

А в снегах — без края, без конца —
Древняя, дремучая побаска,
Всё звенит, всё бредит детской лаской,
Лепетом младенца-бубенца;
До зари вечерней опояска
Где-то там, у отчего крыльца.

Дальнозоркой памятью увижу
За сто верст отсюда на закат
Низкую соломенную крышу,
Вровень с ней — сугробы, а повыше —
Дым над черепичною трубою:
Башенкой белёсо-голубою
В небо он уходит, языкат...

.....
Родина! В подробностях простых
Для меня открылась ты однажды,
И тебе я внял кровинкой каждой
И навек запомнил, словно стих.

(«Санная дорога до Чернавска...», 23 декабря 1941)